

Т. С. Петрова
Шуйский филиал Ивановского государственного университета
(Россия, Шуя)
kit1949@yandex.ru

СЛОВО *СЕРДЦЕ* КАК ЭЛЕМЕНТ ИДИОЛЕКТА К. Д. БАЛЬМОНТА

Поэтический язык передает сложное взаимодействие самых разных пластов человеческого бытия в процессе реализации особой, эстетической функции. В. П. Григорьев в своих работах [Григорьев 1979, Поэт и слово 1973 и др.] настойчиво обозначал необходимость исследования экспресsem – слов, несущих в себе исторически накопленный художественный потенциал, реализующийся в индивидуальном употреблении [Григорьев 1979: 148]. В лирике К. Д. Бальмонта слово *сердце*, помимо высокой частотности употребления (в двадцати двух поэтических книгах отмечено около семисот употреблений), обнаруживает чрезвычайно богатый семантический состав, обращенный как в сферу индивидуально-авторского художественного мира, так и в широкий литературный и философский контекст.

Для выявления особенностей бальмонтовского идиолекта важно рассмотреть семантический характер слова *сердце* в развитии творческого пути поэта. В процессе такого исследования выявляется динамика семантического наполнения слова *сердце* и наблюдается усложнение его контекстуального функционирования.

В книгах Бальмонта конца XIX – начала XX в. определяющим в слове *сердце* является традиционное для романтической лирики значение «источник и вместительница чувств, эмоций» (*детское, обманутое, туманенное, воскресшее, горячее, бездонное сердце поэта; струны сердца, разбитое сердце, «в сердце молодом встаёт печаль», «Сердце хочет, упрекает, / И пророчит, отвергает / Грани дум изведанных, – / Просит странных, безымянных...»*). Метафорическое выражение чувств и состояний, переполняющих сердце, обнаруживает активность оппозиций горение / тление, угасание; жизнь / смерть, гибель; жар / холод.

Истинная жизнь сердца в бальмонтовском мифопоэтическом контексте предполагает приобщенность к жизни всего сущего («*блаженство мирового единенья*»); истинное знание о мире («*Ум сердца – луч холодному уму*»); живую память, связующую поколения рода, народную и общечеловеческую историю, в которой непреложное и главное – связь с Богом: «*Не забудь же сердцем, и сдержи свой вздох: / Ярко только Солнце, вечен только Бог!*»; проявление творческой «певучей» силы.

Ключевым выражением мифопоэтического представления сердца в бальмонтовском творчестве 1894–1905 гг. становится символическое соотношение: Солнце (центр Вселенной, «сердце Небес») – сердце (центр личностного Я, «солнечный цветок»).

Сердце человека как центр космического миропорядка интегрирует в себе главную жизнотворческую силу – *любовь*, динамическое волевое начало – *огонь*

(*творящее пламя*), гармонизирующую основу бытия – *музыку (пение)*: «*Тайное пение – в сердце и в Вечности*». Средоточием любви, питающей и соединяющей весь мир, творящей, непостижимой и жизненно необходимой божественной сути бытия становится образ *поющего сердца*.

Принцип соответствий, основополагающий для символизма, проявляется в представлении космической одноприродности сердца человека и его непостижимого пра-образа, высшей, духовной ипостаси: «*Я бросил сердце в это пламя мира, / И вижу взлёт горящих ступеней*»; «*Вышняго слушайте сердцем огня*»; «*Тайное пение – в сердце и в Вечности*».

При всей многоаспектности проявлений сердца (энергия волевого начала, полнота самых разнообразных чувств, приобщенность к жизни всего сущего, истинное знание о мире, память сердца, чувство родины, чувство Бога, творческая сила) доминанта в нем – это сила любви, питающей весь мир, единой божественной сути бытия. «*Пасхальная созвездность всех сердец*» – это образ преображенного любовью, обновленного, одухотворенного мира.

Эмигрантский период творчества отражает трагедию утраты любви к человеку, а значит – разобщенности исполненного любви сердца Вселенной – и пробитого, страдающего, немощного человеческого сердца. Необходимая для спасения человека и мира чистота сердца («*Сердца моего врагу я не отдам*») определяется борьбой за восстановление в нем любви, и в этом поединке жертвенная, бескорыстная любовь сыновнего сердца к поруганной матери-России определяет надежду на спасение родины силою Божественной любви.

Сердце человека участвует в великой мистерии духа, в борьбе со злом за духовное преобразование мира. Не случайно в заключительном стихотворении последней книги Бальмонта, где звучит гимн Солнцу поющему, сердце представлено как явление духовное («*сердце – кажденья*»): каждение – выражение причастности к духовному миру, прославление божества и одновременно – ограждение от злых сил, от вражеского воздействия, очищение и освящение.

Таким образом, сердце человека в бальмонтском поэтическом космосе – средоточие живой связи земного, космического и духовного бытия, обнаруживающее динамичное и гармоничное всеединство многогранных его проявлений.

Наши наблюдения и выводы могут служить основанием для представления экспрессемы *сердце* как в диахроническом аспекте [Григорьев 1979: 150–151], так и для сопоставительного исследования идиолектов на синхроническом срезе. В этом случае основой и базой явится «Словарь языка русской поэзии XX в.», где слово *сердце* отражено в употреблении десяти авторов [СЯРП: VII, 677–704]. В перспективе исследования такого рода будут необходимы для общей характеристики идиолекта К.Д. Бальмонта.

ЛИТЕРАТУРА

Григорьев В.П. Поэтика слова. М., 1979.

Поэт и слово. Опыт словаря / Под ред. В.П. Григорьева. М., 1973.

СЯРП – Словарь языка русской поэзии XX века. Т. VII /
Отв. ред. Л.Л. Шестакова, сост. Л.Л. Шестакова, А.С. Кулева, А.В. Гик. М.,
2017.